

Вторая мировая война и исторические судьбы российской казачьей эмиграции¹

Олег Игоревич Сергеев,

заведующий Отделом истории Дальнего Востока
России, Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.

E-mail: history37@mail.ru

В статье рассматривается влияние Второй мировой войны и её итогов на исторические судьбы российских казаков-эмигрантов, разбросанных после событий 1917—1922 гг. по Европе, Азии, Северной и Южной Америке, Австралии. Подчёркивается, что основные очаги Второй мировой войны возникли почти одновременно в Европе и в восточноазиатском регионе, то есть в тех районах, где были сосредоточены основные массы российских казаков-эмигрантов. Отмечаются попытки фашистских и милитаристских сил Германии, Японии и их союзников использовать казаков в борьбе против Советского Союза. Особенно чётко это проявилось на европейском театре военных действий, где Германия сформировала значительные вооружённые структуры из казаков, причём не только эмигрантов, но и советских граждан, попавших в зону оккупации немецких войск. Подобные попытки предпринимались и на восточноазиатском театре Второй мировой войны, где японцы стремились создать подразделения из числа казаков-эмигрантов в различных районах Китая. В целом всё это не принесло реальных результатов: данные части использовались лишь во вспомогательных операциях, а в завершающий период Второй мировой войны многие представители казачьей эмиграции и вовсе отказались участвовать в каких-либо действиях против своей Родины. В результате Второй мировой войны большинство казаков-эмигрантов вынуждены были покинуть первоначальные места своего проживания в Европе и Китае и переселиться в страны иных континентов. **Ключевые слова:** Вторая мировая война, российское казачество, эмиграция, территория расселения, казацкие воинские формирования.

World War II and historical fates of Russian Cossack emigration.

Oleg Sergeev, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: history37@mail.ru

The paper studies the influence of World War II and its results on historical fates of Russian Cossack emigrants scattered all over Europe, Asia, North and South America and Australia after the events of 1917—1922. It is emphasized that the centers of World War II emerged in Europe and East Asia almost simultaneously, that is,

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта ДВО РАН 2015 г., проект № 15-1-9-008.

in the regions where the greatest masses of Russian Cossack emigrants were located. The author notes the attempts of fascist and militarist forces of Germany, Japan and their allies to use Cossacks in the fight against the Soviet Union. They were particularly obvious at the theater of operations in Europe where Germany formed massive armed groups with Cossacks which included not only emigrants but also Soviet citizens falling into the occupation zone of German troops. Similar events occurred at the East Asia theater of World War II, too, where the Japanese attempted to create units with Cossack emigrants in diverse regions of China. In general, these attempts did not bring significant results. The Cossack units formed were used only in subsidiary operations and at the finishing stage of World War II, many representatives of Cossack emigration refused to participate in any actions against their motherland. As a result of World War II, the majority of Cossack emigrants were forced to leave the places in Europe and China where they initially lived and move to countries of other continents.

Key words: World War II, Russian Cossacks, emigration, settlement territory, Cossack military units.

Наиболее часто датой начала Второй мировой войны историографы называют 1 сентября 1939 г., когда германские войска вторглись в Польшу. Это отражает, прежде всего, европоцентристский взгляд на историю. Однако всё шире распространяется мнение, что у начала войны была более ранняя хронологическая граница, которая связывается с событиями на востоке. Речь идёт о полномасштабном японском вторжении в Китай после т.н. китайского инцидента 7 июля 1937 г. Эту дату вполне можно считать фактическим началом Второй мировой войны [13, с. 24].

Несмотря на некоторые различия, дороги Германии и Японии к данной войне являлись весьма схожими. Обе страны почти одновременно встали на путь милитаризации как средства расширения территории и ресурсной базы [13, с. 24—25]. 25 ноября 1936 г. в Берлине Германия и Япония заключили Антикоминтерновский пакт. В результате Советский Союз оказался зажатым между двумя мощными враждебными державами, претендовавшими на его территорию; возникла угроза войны на два фронта. С целью её предотвращения, наряду с мерами оборонительного характера, 23 августа 1939 г. был подписан советско-германский Пакт о ненападении, а 13 апреля 1941 г. — советско-японский Пакт о нейтралитете. Оба договора на определённых этапах сыграли свою положительную роль, но в конечном итоге военного столкновения не предотвратили.

Война была величайшей трагедией для народов СССР и всего мира, затронувшей абсолютно все слои населения. Не стало исключением и российское казачество, которое после революций 1917 г. и Гражданской войны оказалось невостребованным в новой государственной системе и прекратило своё существование в прежних организационных формах. Многих казаков насильственно переселили в новые, часто весьма неблагоприятные для жизни места, а значительную часть просто физически уничтожили.

Десятки тысяч казаков покинули свою Родину и расселились в Европе, Азии, Северной и Южной Америке, Австралии и даже Африке. Наиболее мощные зарубежные казачьи анклавы возникли в Европе (Франция, Германия, Чехия, Королевство СХС), Китае, США, Австралии, ряде государств Южной Америки. И именно Европа и Азиатско-Тихоокеанский регион оказались в центре событий Второй мировой войны.

Российская эмиграция в Китай, в т.ч. и казачья, оказалась весьма многочисленной. По разным данным, там проживало до 250 тыс. россиян, наибольшая концентрация которых наблюдалась в Маньчжурии, прежде всего в Харбине и бывшей полосе отчуждения КВЖД, в т.н. Трёхречье, а также в Шанхае и ряде других районов. Среди прибывших до 1923 г. в Харбин россияне казаки составляли около 15% [1, с. 11]. По нашим подсчётам, общее количество казаков-эмигрантов в Китае доходило до 25 тыс. чел.

В Харбине были образованы многочисленные казачьи организации — станицы (по сути землячества) — и их объединение: Восточный Казачий союз (после оккупации Японией Маньчжурии и создания марионеточного государства Маньчжоу-го — Союз казаков на Дальнем Востоке). В других районах Китая казакам удалось создать свои самобытные, традиционные поселения, которые успешно существовали долгое время. Это были станицы, основанные выходцами из дальневосточных казачьих войск и расположенные в районе Барги, включая Трёхречье, примыкающее к бывшей Забайкальской области России. Обширные приграничные китайские территории, на которых поселились казаки, пустовали и нуждались в интенсивном заселении и хозяйственном освоении. В районе Трёхречья в 1938 г. в 19 казачьих посёлках проживало более 7 тыс. чел., имелись обширные пахотные земли, 5,5 тыс. лошадей и почти 17 тыс. гол. рогатого скота [6, с. 7—17, 43—58, 131—159, 196—211; 11, с. 149—151]. Центром района была Драгоценка, где располагались Казачье станичное правление, отделения Бюро российских эмигрантов и Японской военной миссии. В годы войны там расквартировали гарнизон Квантунской армии.

Все взрослые мужчины Трёхречья были на учёте у Военного отдела Бюро по делам российских эмигрантов и находились под его контролем. Их разделили на две категории: «волонтёры» (молодёжь призывного возраста) и «ополченцы» (до 1907 г.р.). Общее число казаков, состоявших на военном учёте в начале 40-х гг. XX в., превышало 2 тыс. чел.

Всех мужчин от 17 до 55 лет, способных носить оружие, распределили между воинскими частями (Сунгарийский, Русский отряд, Казачий отряд в Хайларе, Пограничный полицейский отряд) и организациями военного характера (Особый отряд Военной Миссии, Захинганская казачья бригада), где они в той или иной степени проходили военное обучение и получали «политическое образование» в духе принципов Японской военной миссии.

В 1937 г. из русских эмигрантов был сформирован отряд, дислоцируемый на станции «2-я Сунгари» недалеко от Харбина. Его членов называли асановцами (по имени главы — японского полковника Асано). В отряд

призвали 450—500 новобранцев, в т.ч. из Трёхречья. Уже в 1938 г. асановцы вели бои против корейских партизан [5, с. 94—95]. В 1939 г. часть отряда перебросили в район боевых действий на р. Халхин-Гол. Асановцы использовались в основном в разведке, за исключением одного боестолкновения, в котором они (примерно 60—70 чел.) разгромили равный по численности монгольский разъезд. Наряду с подразделением Асано были созданы и другие, в т.ч. во главе с казачьим полковником Пешковым И.А. Казаков его отряда (также мобилизованных в основном из Трёхречья) именовали пешковцами [5, с. 95—96].

В изданной в 1942 г. в Токио книге Икэда Гэндзи «Иду по маньчжуро-советской границе. 4 тысячи километров путешествия пешком» автор описывает казачьи поселения в Трёхречье и отмечает: «Казаки использовали с давних времён сложившуюся систему административного управления во главе с атаманами, при которой администрация как в центре, так и на местах осуществляла организационное и культурное руководство территорией» [14, с. 26].

Интересные факты касаются казачьей молодёжи Трёхречья. Икэда Гэндзи подчёркивает: «Они себя считали казаками... и гордились этим... Казаки Трёхречья — выходцы из Забайкалья, истари казаки были очень смелые, поколение за поколением храбро сражались за Родину, неоднократно получали награды от императора России... Это свидетельствует о славе и гордости казаков. Казаки с давних пор располагались на государственной границе и были ответственны за её охрану и оборону.. в случае возникновения чрезвычайных обстоятельств первыми вступали в бой, и наибольшие потери на поле брани были среди казаков» [14, с. 27].

Икэда Гэндзи побеседовал с казачьей молодёжью. На вопрос об отношении казаков к власти Сталина был получен ответ: «С момента революции, осуществлённой Коммунистической партией, режим стал очень сильно преследовать казаков. Коммунистическая партия уничтожила большую часть из нас, наших предков, дедушек и бабушек, наших родителей, братьев и сестёр, близких родственников, поэтому сталинский режим — это наш противник, который казаки должны ненавидеть». Отсюда заветное желание казаков: «Свергнуть сталинский режим и возродить монархию». А вот ответ на вопрос, каким образом можно его свергнуть: «Сталинский режим, вероятно, будет удалён и разрушен, если по нему будут нанесены удары с запада — Германией, а с востока — японо-маньчжурскими войсками» [14, с. 28—32].

Одним из основных мест расселения российских эмигрантов, включая казаков, стал крупнейший китайский город Шанхай, где в разные годы возникали и действовали казачьи организации [10, с. 176]. Казаки прибыли в Шанхай разными путями. Сначала это были участники Белого движения в Сибири, которые оказались в Китае с отступающими частями из Средней Азии и Забайкалья. Затем, после разгрома белых войск в Приморье, осенью 1922 г. некоторые уцелевшие перешли в Китай через сухопутную границу, а другие — морским путём. Именно последним

способом и прибыла в Шанхай на трёх судах Дальневосточная казачья группа (до 850 чел.) под командованием генерала Глебова, до этого почти год пробывшая в эмиграции в Корее (в порту Гензан). Немного раньше по морю в Шанхай добрались казаки из частей Урало-Егерской группы генерала Лебедева и Сибирской флотилии адмирала Старка. Наиболее многочисленной группой там были забайкальцы, за ними — сибиряки, енисейцы, иркутяне, амурцы и уссурийцы [ГАРФ. Ф. 5963. Оп. 1. Д. 15. Л. 10; 2, с. 164].

Первоначально в организационном плане казачья эмиграция Шанхая была представлена отдельными станицами различных войск, а также Дальневосточной группой генерала Глебова, которая после прибытия в город в течение четырёх лет сохраняла статус воинского формирования, дислоцированного на судах на рейде Шанхая, и имела особые отношения с местными властями. 1925 г. положил начало попыткам объединения казаков всех войск, находящихся к этому времени в городе, в Казачий союз. Основанием для этого, по утверждению учредителей союза, послужили «необеспеченность и несправедливость русских граждан вообще и казаков, в частности, находящихся на чужбине, в т.ч. в Шанхае... пример такого казачьего объединения на западе Европы, в Париже, в форме Казачьего союза всех казаков, находящихся во всех странах за границей России». Практическая деятельность по формированию союза была начата «образованием частных объединений (станций, хуторов, групп) казаков по областям (войскам)» [ГАРФ. Ф. 5963. Оп. 1. Д. 15. Л. 2]. В состав Казачьего союза вошли Амурская станица графа Муравьёва-Амурского и Корниловская станица Сибирского казачьего войска, позже — станицы Семиреченского, Енисейского, Оренбургского, Иркутского, Забайкальского, Уссурийского казачьих войск. Сформированная Донская станица объединила казаков Европейской России [ГАРФ. Ф. 5963. Оп. 1. Д. 1. Л. 4—4об., 8].

20 января 1929 г. председателем правления КСШ был избран Г.К. Бологов; численность союза составляла 281 чел. В сентябре 1929 г., после устранения ряда разногласий с созданным к тому времени Объединением Дальневосточных казаков, последнее приняло решение о вхождении в КСШ [ГАРФ. Ф. 6679. Оп. 1. Д. 44. Л. 183].

В первой половине 30-х гг. союз открыл Казачий Дом (клуб), который, с одной стороны, являлся административным центром КСШ, а с другой — культурно-просветительным очагом местного казачества. В клубе проводились чтения, лекции, танцевальные вечера, концерты, ставились спектакли. Для казачат там была устроена школа. Появились небольшая библиотека, радио и даже кинематограф. В летнее время союз организовывал детскую площадку и стрельбище. Значительное внимание уделялось материальной помощи членам КСШ. Общее число входивших в союз казаков достигло 1 тыс. В сентябре 1934 г. Бологов отказался от поста председателя КСШ по состоянию здоровья. На эту должность тогда же избрали полковника Д.В. Кочнева. Союз успешно продолжал деятельность до начала 40-х гг., объединяя своих сторонников идеями

«самозащиты и самопомощи казаков в эмиграции и освобождения Родины и казачества от власти III Интернационала».

Значительное число эмигрировавших казаков из всех войск России оказались в государствах Южной (Латинской) Америки: Аргентине, Бразилии, Чили, Перу, Боливии, Парагвае и др. Туда направлялись, в частности, те, кто хотел организовать фермерские поселения на собственной земле. Из Европы беженцев в Аргентину, Бразилию, Перу отправляло «Русское колонизационное бюро», в основном это были казаки. На местах реальность часто оказывалась суровой. Так, прибывшие в 1930 г. в Перу около 100 казаков получили малоплодородную землю, условия жизни и работы были отвратительны, заработок приходилось отдавать за проезд до Лимы. Казаки попытались «рассчитаться» с обманувшими вербовщиками, но их арестовали, посадили в тюрьму, а затем интернировали на один из небольших островов, где многие и умерли, оставив после себя, как пишет очевидец, «потомство с медным оттенком кожи и русскими именами» [8, с. 15].

Казаки, будучи не только земледельцами, но и воинами, естественно, привлекались и к военным операциям в регионе. В 1932—1935 гг. они участвовали в одной из самых кровопролитных войн XX в. в Латинской Америке — между Парагваем и Боливией, причиной которой стала спорная область Чако, где могла быть нефть. На стороне Парагвая сражались русские эмигранты — офицеры, рядовые, казаки. Активное участие в войне принимал И.Т. Беляев, хорошо изучивший страну и организовавший переселение казаков из Европы. В 1933 г. в Париже был создан «Колонизационный центр по организации иммиграции в Парагвай» под председательством атамана Войска Донского в изгнании А.П. Богаевского. В мае 1934 г. из Марселя в Южную Америку отправилась первая партия эмигрантов — около 100 казаков. Всего до конца 1934 г. туда отбыло 6 групп. В Парагвае И.Т. Беляев разработал и подал для рассмотрения в Палату депутатов местного парламента проект закона о правах и привилегиях русских переселенцев, предусматривавший свободу вероисповедания, создание национальных школ, сохранение казачьих обычаев и традиций, общинное владение землёй. К сожалению, законом проект не стал. Что касается войны, то специалисты отмечают выдающийся вклад российских военных, офицеров, рядовых в оборону чужой страны, ставшей для многих из них второй родиной. Парагвай добился положительных итогов в войне, но многие русские сложили в ней свои головы, за что парагвайский народ им благодарен: в столице государства возведён памятник павшим русским воинам [8, с. 76—98].

Многочисленные колонии российских эмигрантов, включая казаков, возникли также в Аргентине, Бразилии, Чили и ряде других стран континента. Казаки и там создавали свои союзы, например, в Аргентине атаманом такого союза в 1948 г. был избран сотник Войска Донского В.В. Обручев.

Сильнейшее воздействие на русскую эмиграцию, в т.ч. казачью, оказало нападение Германии на СССР. В странах Европы значительная часть казаков, рассматривавших войну как единственную возможность уничтожить коммунистический строй, активно выступила на стороне Германии.

Но в рядах эмигрантского казачества не было единства. Казаки, группировавшиеся вокруг лидеров-атаманов, связывали своё будущее с освобождением России от власти большевиков. Другие, националистически-сепаратистской ориентации, отстаивали идею создания независимого казачьего государства «Кзакии», включавшего в себя территорию всех казачьих областей России. Были и те, кто, несмотря на неприятие большевизма, считали необходимым поддержать своё Отечество.

Однако немцы в начале войны не желали ни с кем делить победу, казавшуюся такой близкой. Они сами хотели строить «новую Россию», ориентируясь на свои потребности [9, с. 214—215, 218—219]. Но уже к концу 1941 г. отношение Берлина к данному вопросу претерпевает изменения. Огромные потери на фронте и в тылу заставили командование вермахта обратить особое внимание на казаков как на убеждённых борцов против большевизма и приступить к формированию в составе германской армии казачьих частей из военнопленных. Для обоснования их участия в вооружённой борьбе на стороне Германии, что вначале казалось немислимым (ведь речь шла о представителях «низшей» славянской расы), была разработана особая теория. В соответствии с ней казаки объявлялись потомками остготовов, владевших причерноморскими территориями во II—IV вв. н.э., а потому — не славянами, а народом германского корня, сохранившим «кровные связи со своей германской прародиной» [9, с. 226]. Эта фантастическая теория пришлась по душе Гитлеру, который лично позволил в апреле 1942 г. отправлять казаков как на борьбу с партизанами, так и на фронт. В Сербии германские власти дали разрешение на создание Русского охранного корпуса для поддержания порядка и борьбы с югославскими партизанами. К началу ноября 1941 г. в нём было около 300 казаков, к концу 1942 г. — 2000. Корпус включили в состав вермахта, почти всех казаков по ходатайству войсковых атаманов объединили в Первый казачий полк под командованием генерала В.Э. Зборовского [9, с. 226—228].

Летом 1942 г. дивизии вермахта вышли к Волге и Северному Кавказу. Уцелевшие после расказачивания и сталинской коллективизации «подсоветские» казаки в значительной своей части приветствовали немецких солдат как «освободителей от большевистского ига». Германское командование рассчитывало на их помощь в обеспечении «нового порядка» на оккупированных территориях. Ещё осенью 1941 г. в оккупированном немцами Новочеркасске был создан Донской казачий комитет, а летом 1942 г. — казачьи отряды, которые выполняли полицейские функции. В сентябре 1942 г. в Новочеркасске с санкции оккупационных властей собрался казачий сход, избравший штаб Войска Донского [9, с. 229—230].

К концу 1942 г. под ударами Красной армии германская армия на юге стала отступать. В феврале 1943 г. оккупанты оставили практически всю историческую территорию бывших казачьих войск. Многие жители казачьих поселений под прикрытием немцев ушли от советских войск на запад и обосновались в Новогрудке, образовав Казачий стан. По сути, это был центр для беженцев с отрядами самообороны.

Немецкое командование, помня военную славу казаков, решило сформировать из них регулярные части против Красной армии. В марте 1943 г. в Херсоне из кубанских и донских казаков был образован корпус в составе трёх полков под командованием генерал-майора Хельмута фон Паннвица. Командирами в полках стали немецкие кавалерийские офицеры. Но казакам не пришлось воевать на Восточном фронте. Гитлер опасался, что русские добровольцы ненадёжны и могут перейти в Красную армию. 10 октября 1943 г. он приказал перебросить всех русских, служивших в немецкой армии, с восточного театра военных действий на запад. Корпус фон Паннвица передислоцировали в Югославию, где казаки боролись против отрядов Тито в горах Боснии и Герцеговины [4, с. 136; 12, с. 246—247].

В начале 1944 г. немцы сформировали Главное управление казачьих войск с функциями Временного казачьего правительства за границей. Тогда же в соответствии с декларацией правительства Германии Казачьему стану были предоставлены земли сначала на Украине, а затем в Западной Белоруссии [9, с. 235]. Однако освоить «дарованные» земли не удалось, так как военная обстановка продолжала меняться не в пользу Германии. Да и население «пожалованных» территорий не признавало эти акции Берлина. В августе — сентябре 1944 г. казаков-беженцев эвакуировали в Северную Италию. В апреле — мае 1945 г. итальянские представители предложили им сдать оружие и покинуть пределы страны. Казачий стан отошёл в Австрию и разместился в районе г. Лиенца.

В марте 1945 г. в Вировитице (Хорватия) состоялся съезд казаков, который принял решение об объединении казачьих войск с вооружёнными силами Комитета освобождения народов России (председатель — генерал А.А. Власов). Походным атаманом избрали командира корпуса генерал-лейтенанта войск СС Хельмута фон Паннвица. Это был единственный случай в истории, когда казачьим атаманом стал иностранец. К концу апреля 1945 г., когда части Красной армии вели бои в пригороде Берлина, на территории, оставшейся подконтрольной Германии, действовали следующие казачьи формирования: 15-й Казачий корпус фон Паннвица (Хорватия) — до 40 тыс. чел.; Первый казачий полк генерала Зборовского в составе Русского охранного корпуса (Хорватия) — более 1 тыс. чел.; Казачий резерв генерала Шкуро (Австрия) — до 2 тыс. чел.; Казачий стан (Северная Италия), включавший казачьи беженские станицы (более 6,5 тыс. женщин, детей и подростков), а также воинские формирования (более 18,5 тыс. чел.). Старые эмигранты составляли около 70% офицеров и чиновников Казачьего стана. В целом, по данным Главного управления казачьих войск, на территории Германии и оккупированных ею государств Западной Европы находилось до 110 тыс. казаков, не менее 75 тыс. из них являлись бывшими советскими гражданами [9, с. 251—252].

Судьба казаков, отступавших с немецкой армией в 1943—1945 гг., была трагичной. Сначала они попали в плен к западным союзникам, затем многих передали советским властям, где их ожидали жесточайшие

репрессии, в т.ч. смертная казнь. Среди попавших в плен находились и представители знаменитого казачьего рода Красновых. В 1946 г. в лагере для военнопленных казаков в Австрии родился Михаил Семёнович Краснов-Марченко, сын казнённого в СССР генерала Семёна Николаевича Краснова, внучатый племянник атамана Петра Николаевича Краснова. В 1948 г. его матери удалось бежать из лагеря и перебраться в Чили, где в 1963 г. М.С. Краснов (чилийское имя Мигель Красснофф) окончил военное училище. В 1973 г. он активно поддержал военный переворот, приведший к свержению правительства Сальвадора Альенде, и в том же году его включили в состав отдела безопасности и личной охраны генерала Пиночета. Затем М. Краснов служил в различных частях, в 1995 г. ему было присвоено звание бригадного генерала.

После отставки Пиночета в 1998 г. и его ареста началось преследование соратников диктатора. В 2001 г. арестовали и М. Краснова. На суде он заявил: «Я солдат и казак, и во мне живы традиции казачества и предков-мучеников. Пусть все знают, что я казак и горжусь тем, что сделал в жизни, нося мундир офицера чилийских сухопутных сил». Суд приговорил Краснова к многолетнему тюремному заключению [8, с. 170—180].

Сложно и не менее трагично складывалась после окончания Второй мировой войны судьба казачьей эмиграции в Китае. Вслед за Красной армией в Маньчжурию вошли подразделения Смерша, которые провели «зачистку» сопредельных территорий от т.н. враждебных элементов. Только русских харбинцев в августе — сентябре 1945 г. было арестовано от 9 до 15 тыс. [1, с. 92]. Те из казаков-эмигрантов, кто смог покинуть Маньчжурию, устремились в Австралию, Канаду, США, страны Латинской Америки и др.

Своеобразным «пересадочным центром» на пути в зарубежные страны стал Шанхай. Туда под натиском китайской Красной армии в 1948 г. перебрались многие русские эмигранты, включая казаков, из Пекина, Ханькоу, Тяньцзина, Циндао и, естественно, Северо-Восточных провинций. Когда и над этим городом нависла угроза захвата китайскими коммунистами, подведомственная ООН Международная организация по делам беженцев обратилась к правительствам ряда стран с просьбой предоставить хотя бы временный приют проживающим в Шанхае беженцам. Единственным государством, откликнувшимся на этот призыв, была Филиппинская республика, которая выделила необитаемую часть маленького острова Тубабао, ограничив срок пребывания там беженцев четырьмя месяцами, но впоследствии несколько раз продлив его. В результате некоторые беженцы прожили на острове более 2-х лет [7, с. 5—6].

Отправление эмигрантов из Шанхая на Тубабао началось в январе 1949 г. и закончилось в начале мая, незадолго до прихода в город воинских частей коммунистического Китая. Ответственность за эвакуацию выпала на долю российского казака Г.К. Бологова, в то время возглавлявшего Российскую эмигрантскую ассоциацию Шанхая. Всего на остров вывезли около 5,5 тыс. чел.: мужчин, женщин, детей [7, с. 7—8].

Постепенно беженцы, включая казаков, выехали в Австралию, США, Канаду, Аргентину, Бразилию, Чили, Парагвай, Таиланд, Японию, Францию

и ряд других стран. Последние обитатели беженских лагерей Тубабао покинули остров в декабре 1951 г. [7, с. 90—91, 109].

После завершения Второй мировой войны и победы коммунистической власти в Китае практически исчезла и российская эмиграция. Опустели русские кварталы в китайских городах, казачьи сельские поселения. Неузнаваемо изменилось, например, Трёхречье. Казачьи семьи, лишившись в результате репрессий основных работников, быстро разорялись, хозяйства пришли в упадок, «появились неуверенность, безотчётный страх, неприязнь и подозрительность... Много зла принесла и новая китайская власть... Кончилось тем, что в 1955—56 гг. русские были насильственно выселены из района» [5, с. 102]. Как отмечает Игауэ Нахо: «По данным переписи населения Китая в 2000 г., общая численность русских составляла 15 600 чел., из них 2079 чел. проживали в городе Аргуне, т.е. на территории бывшего Трёхречья. Но практически все они имеют примесь китайской крови» [3, с. 82].

Таким образом, Вторая мировая война внесла решающие коррективы в судьбы российской казачьей эмиграции. Первоначальная карта расселения казачьего зарубежья полностью изменилась. Менялись и дух, направленность мыслей, целей и действий казаков-эмигрантов. Постепенно зрело понимание невозможности воссоздания прежней России и возвращения прежнего казачества, осознание необходимости вписываться в новые реалии жизни.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Аурилене Е.Е. Российская диаспора в Китае. 1920—1950-е гг. Хабаровск: Част. коллекция, 2008. 268 с.
2. Белая эмиграция в Китае и Монголии. М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. 431 с.
3. Игауэ Нахо. Японские исследования казачьих сёл в Хулун-Буйре (Трёхречье) в Маньчжуо-го // Материалы XXV российско-японского симпозиума историков и экономистов ДВО РАН и района Кансай (Япония): сб. статей. Владивосток: Дальнаука, 2010. 304 с.
4. История казачества Азиатской России. Т. 3. XX век. Екатеринбург: НИСО УрО РАН, 1995. 270 с.
5. Кайгородов А.М. Маньчжурия: август 1945 // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 6. С. 94—103.
6. Кормазов В.А. Барга. Экономический очерк. Харбин: Тип. КВЖД, 1928. 328 с.
7. Моравский Н.В. Остров Тубабао. 1949—1951: последнее пристанище российской дальневосточной эмиграции. М.: Русский путь, 2000. 112 с.
8. Нечаев С.Ю. Русские в Латинской Америке. М.: Вече, 2010. 320 с.
9. Русские без отечества: очерки антибольшевистской эмиграции 20—40-х годов. М.: РГГУ, 2000. 496 с.
10. Сергеев О.И. Казачий союз в Шанхае // Миграционные процессы в Восточной Азии. Международная научная конференция. Владивосток, 1994. С. 176—180.
11. Сергеев О.И. Казачья эмиграция в Китае // Гражданская война на Дальнем Востоке России: Итоги и уроки: Междунар. науч. конф. 5—9 окт. 1992 г.: тез. докл. и сообщ. Владивосток, 1992. С. 149—151.

12. Толстой Н. Жертвы Ялты / под общ. ред. А.И. Солженицына. Париж: YMCA-press, 1988. 754 с.
13. Шефов Н.А. Вторая мировая война. 1939—1945. История великой войны. М.: Вече, 2010. 408 с.
14. Икэда Гэндзи. Мансо коккё ёнсэн киромэтору-о аруку = Иду по маньчжуро-советской границе. 4 тысячи километров путешествия пешком. Токио: «Асахи Симбунся», 1942. 223 с.
15. ГАРФ (Государственный арх. Российской Федерации).

REFERENCES

1. Aurilene E.E. *Rossijskaya diaspora v Kitae. 1920—1950-e gg.* [Russian expatriate community in China. 1920's — 1950's]. Habarovsk, Chastnaya kollekcija Publ., 2008, 268 p. (In Russ.)
2. *Belaya e'migraciya v Kitae i Mongolii* [White emigration in China and Mongolia]. Moscow, ZAO Centrpoligraf Publ., 2005, 431 p. (In Russ.)
3. Igaue' Naxo. Yaponskie issledovaniya kazackih sel v Hulun-Bujre (Tryohrech'e) v Man'chzhou-go [Japanese studies of Cossack settlements in Khulun-Buyre (Trekhreche) in Manchukuo]. *Materialy XXV rossijsko-yaponskogo simpoziuma istorikov i e'konomistov DVO RAN i rajona Kansaj (Yaponiya): sbornik statej* [Materials of the 25th Russian-Japanese Symposium of Historians and Economists of the Far-Eastern Division of the Russian Academy of Sciences and Kansai district (Japan): collected works]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2010, 304 p. (In Russ.)
4. *Istoriya kazachestva Aziatskoj Rossii. T. 3. XX vek* [History of Asian Russia's Cossacks. Vol. 3. 20th century]. Ekaterinburg, NISO UrO RAN Publ., 1995, 270 p. (In Russ.)
5. Kajgorodov A.M. Man'chzhuriya: avgust 1945 [Manchuria: August 1945]. *Problemy' Dal'nego Vostoka*, 1991, no. 6, pp. 94—103. (In Russ.)
6. Kormazov V.A. *Barga. E'konomicheskij ocherk* [Barga. An economic essay]. Harbin, Tip. KVZhD Publ., 1928, 328 p. (In Russ.)
7. Moravskij N.V. *Ostrov Tubabao. 1949—1951: poslednee pristanishhe rossijskoj dal'nevostochnoj e'migracii* [Tubabao Island. 1949—1951: the last resort of Russian Far-Eastern emigrants]. Moscow, Russkij put' Publ., 2000, 112 p. (In Russ.)
8. Nechaev S.Yu. *Russkie v Latinskoj Amerike* [Russians in Latin America]. Moscow, Vechе Publ., 2010, 320 p. (In Russ.)
9. *Russkie bez otechestva: ocherki antibol'shevistskoj e'migracii 20—40-x godov* [Russian without their homeland: essays of anti-Bolshevik emigrants of the 1920's — 1940's]. Moscow, RGGU Publ., 2000, 496 p. (In Russ.)
10. Sergeev O.I. Kazachij soyuz v Shanxae [Cossack union in Shanghai]. *Migracionny'e processy' v Vostochnoj Azii. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya* [Migration processes in East Asia. International research conference]. Vladivostok, 1994, pp. 176—180. (In Russ.)
11. Sergeev O.I. Kazach'ya e'migraciya v Kitae [Cossack emigrants in China]. *Grazhdanskaya vojna na Dal'nem Vostoke Rossii: Itogi i uroki: Mezhdunar. nauch. konf. 5—9 okt. 1992 g.: Tez. dokl. i soobshh.* [Civil war in the Russian Far East: Results and lessons. International research conference. October 5—9, 1992: abstracts of reports and statements]. Vladivostok, 1992, pp. 149—151. (In Russ.)
12. Tolstoj N. *Zhertvy' Yalty'* [Yalta's victims]. Paris, YMCA-press Publ., 1988, 754 p. (In Russ.)
13. Shefov N.A. *Vtoraya mirovaya vojna. 1939—1945. Istoriya velikoj vojny'* [World War II. 1939—1945. History of a great war]. Moscow, Vechе Publ., 2010, 408 p. (In Russ.)
14. Ike'da Ge'ndzi. *Manso kokkjo jonsjen kiromjetoru-о aruku* [Walking along the Manchurian-Soviet border. A four thousand kilometer long journey on foot]. Tokio, Asaxi Simbunsya Publ., 1942, 223 p. (In Japan.)